

Факторы демографических процессов в регионах Российской Федерации: эмпирический анализ

Манаева И. В.^{1,*}, Камынина Л. А.², Журавлева Т. А.²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация; *in.manaeva@yandex.ru

² Высшая школа государственного администрирования МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

На сегодняшний день разработка системы индикаторов и методик мониторинга и оценки прогресса в достижении целей Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 312 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» является важной прикладной задачей.

Цель статьи — оценка факторов, влияющих на демографические процессы в регионах России в рамках достижения национальной цели «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи».

По результатам анализа зарубежной и российской литературы авторами обоснованы факторы, оказывающие влияние на коэффициент рождаемости (уровень бедности, уровень безработицы, стоимость недвижимости на первичном рынке, площадь жилых помещений на одного жителя, задолженность физических лиц по кредитам, численность женщин от 18 до 45 лет) и коэффициент смертности (уровень бедности, число больничных коек на 10 000 чел. населения, розничные продажи алкогольной продукции на душу населения, доля занятого населения с высшим образованием, число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел., выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников).

Период исследования — 2013–2023 гг., объект — 85 регионов Российской Федерации, источник первичной статистической информации — сборники и базы данных Федеральной службы государственной статистики. Эмпирическим путем выявлено негативное влияние бедности и задолженности по кредитам на уровень рождаемости в регионах Российской Федерации. Снижение стоимости квадратного метра жилой недвижимости на 1 % стимулирует рождаемость в регионе на 0,22 %. Значимое прямое влияние на смертность в регионах РФ обнаружено для факторов «уровень преступности», «розничные продажи алкогольной продукции». Рост доли занятого населения с высшим образованием на 1 % снижает смертность на 0,7 %. Для таких факторов, как «уровень безработицы», «площади жилых помещений на одного жителя», «число больничных коек», «выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников» получен противоречивый результат, требующий дополнительного анализа и оценок.

Проведенное исследование дополняет цикл работ в части оценки условий и факторов демографических процессов.

Ключевые слова: национальные цели, регион, коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, демографические процессы.

Для цитирования: Манаева И. В., Камынина Л. А., Журавлева Т. А. Факторы демографических процессов в регионах Российской Федерации: эмпирический анализ // Управленческое консультирование. 2026. № 1. С. 121–136. EDN XSYVVK

Factors Affecting Demographic Processes in the Regions of the Russian Federation: An Empirical Analysis

Inna V. Manaeva^{1,*}, Lolita A. Kamynina², Tatyana A. Zhuravleva²

¹ Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation; *in.manaeva@yandex.ru

² Graduate School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

ABSTRACT

The development of a system of indicators and methodologies for monitoring and assessing progress toward achieving the goals of the Decree of the President of the Russian Federation N 312 of May 7, 2024, «On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective Up to 2036» is currently an important applied task.

The purpose of this article is to assess the factors influencing demographic processes in Russia's regions within the framework of achieving the national goal of «preserving the population, improving health and well-being, and supporting families».

Based on the analysis of foreign and Russian literature on the subject matter, the author substantiated the factors influencing the birth rate (poverty level, unemployment rate, primary real estate value, residential area per capita, personal loan debt, number of women aged 18 to 45) and the death rate (poverty level, number of hospital beds per 10,000 people, retail sales of alcoholic beverages per capita, share of employed population with higher education, number of registered crimes per 100,000 people, air pollutant emissions from stationary sources).

The study period was 2013–2023, the object was 85 regions of the Russian Federation, and the source of primary statistical information was collections and databases of the Federal State Statistics Service. Empirically, a negative impact of poverty and loan debt on the birth rate in the regions of the Russian Federation was revealed. A 1% decrease in the price per square meter of residential real estate increases the birth rate in a region by 0.22 %. A significant direct impact on mortality in Russian regions was found for the factors “crime rate” and “retail sales of alcoholic beverages”. A 1 % increase in the share of the employed population with higher education reduces mortality by 0.7 %. Contradictory results were obtained for factors such as “unemployment rate”, “residential area per capita”, “number of hospital beds”, and “air pollutant emissions from stationary sources”, requiring further analysis and evaluation.

This study complements the existing body of work assessing the conditions and factors of demographic processes.

Keywords: national goals, region, birth rate, death rate, demographic processes.

For citation: Manaeva I. V., Kamynina L. A., Zhuravleva T. A. Factors Affecting Demographic Processes in the Regions of the Russian Federation: An Empirical Analysis // Administrative Consulting. 2026. N 1. P. 121–136. EDN XSYVNK

Введение

На сегодняшний день в российской экономической науке особую популярность и значимость приобретают вопросы реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 312 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹. Во-первых, Указ принят в новый исторический период, характеризующийся внешним давлением и необходимостью ускоренного развития в условиях санкций. Во-вторых, исследование его положений позволяет понять стратегию адаптации Российской Федерации к новой экономической реальности. В-третьих, обозначенные в Указе цели напрямую связаны с укреплением экономического, технологического, кадрового и демографического суверенитета РФ, что является абсолютным приоритетом. В-четвертых, документ фокусируется на «человеческом капитале» — поддержке семьи, здоровья, образования, реальных доходов. Исследование механизмов достижения этих целей имеет высокую социальную значимость для качества жизни населения РФ. В-пятых, на федеральном, региональном и муниципальном уровнях существует острая потребность в научно обоснованных рекомендациях по адаптации стратегий и программ под новые национальные цели. Исследование может стать

¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 06.10.2025).

теоретико-методической базой для таких рекомендаций. Подчеркнем, что разработка системы индикаторов и методик мониторинга и оценки прогресса в достижении целей Указа является важной научно-теоретической и прикладной задачей, имеющей важнейшее стратегическое значение для фундамента сбалансированного развития Российской Федерации.

В данной статье проводится оценка влияющих на демографические процессы в регионах России факторов, обеспечивающих новые модели роста и достижения национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»².

Литературный обзор

Изучение влияния экономических факторов на рождаемость берет начало с исследований «экономики рождаемости» Г. Беккера [34]. Важный результат модели Г. Беккера: число детей в семье может зависеть от дохода семьи как положительно (доход позволяет увеличивать «качество» детей и, следовательно, увеличивает «полезность» родителей), так и отрицательно (альтернативная стоимость времени родителей высока, дети «отнимают» доход, позволяющий приобретать другие товары и увеличивать «качество» уже рожденных детей), — все зависит от места детей в функции полезности родителей [34]. А. Миллер по результатам эмпирических расчетов заключает, что «откладывание женщиной рождения ребенка на один год увеличивает ее опыт работы на 6 %, а доходы на 9 %» [48]. «Реализация женщин вне семьи (в карьере, досуге и т. д.) негативно сказывается на уровне рождаемости. Увеличение их представительства в парламентах приводит к снижению рождаемости в среднем на 6–7 %» [1]. Ряд ученых пришли к выводу о взаимосвязи образования, занятостью женщины и временем рождения ребенка: чем выше уровень человеческого капитала женщины и ее доходы, тем на более поздний срок она откладывает рождение ребенка [41; 45; 48; 53].

М. Мерон и И. Видмер изучают влияние на рождаемость фактора «уровень занятости родителей», по результатам анализа заключают: уровень занятости родителей может как препятствовать увеличению рождаемости, так и являться ее катализатором [47]. Закономерно негативным фактором рождаемости определен рост безработицы [51; 55].

Отдельно выделим группу исследований, посвященных оценке эффективности политики государства, стимулирующей рождаемость. Меры государства сдвигают календарь рождений, но не влияют на суммарный коэффициент рождаемости [40; 42; 49]. Предоставление государством услуг по уходу за детьми повышает рождаемость [37; 52]. Дж. Эрмиш заключает, что высокие пособия при рождении ребенка в Великобритании способствуют повышению рождаемости среди молодых женщин [39], к аналогичным выводам приходят Ян М. Хём [43] и Г. Андерсон, К. Хенк, М. Ронзен, А. Викат [32], анализируя данные в Швеции.

Исследователи приходят к выводу о том, что предпочтения индивидов относительно количества детей и возраста их рождения закладываются в детстве и юношестве [42; 50]. Учеными представлена корреляция между количеством детей в семье индивида и количеством его собственных детей [33; 38; 50].

Я. М. Рощина и А. В. Бойков впервые провели микроанализ факторов фертильности в России на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ за 1994–2001 гг. и заключили,

² Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 06.10.2025).

что «репродуктивное поведение определяется демографическими (возраст, наличие детей) и культурно-ценностными факторами, а экономические факторы (уровень образования, наличие работы, должность, величина дохода) не играют значимой роли» [27]. Т. М. Малева и О. В. Синявская утверждают, что «барьером на пути роста рождаемости в России стоит плохая жилищная обеспеченность граждан» [18]. А. О. Тындык изучает установки населения в отношении числа желаемых детей и приходит к выводу, что оптимальным вариантом для россиян является два ребенка в семье [29]. Ученый заключает: «Курс поддержки рождаемости должен быть переориентирован с материальных мер на меры, способствующие совмещению родительства и занятости» [29]. Т. Л. Журавлева и Я. А. Гаврилова проводят микроанализ факторов рождаемости. В ходе регрессионного анализа ученые выяснили, что «рождаемость стимулируют наличие партнера, отсутствие детей, отсутствие разнополых детей, проживание в сельской местности, проживание с другими родственниками. Социально-экономические характеристики партнера оказываются незначимыми при принятии женщиной решения о рождении ребенка» [11].

Однофакторный регрессионный анализ Ч. И. Ильдарханова с соавторами показал, что в Приволжском федеральном округе на «формировании репродуктивных трендов негативно сказывается усиление доли расходов на товары первой необходимости. Многофакторный регрессионный анализ выявил корреляцию показателей рождаемости с устойчивым ростом уровня занятости» [13].

Особый интерес представляют работы российских ученых, в которых представлена оценка эффективности мер стимулирования рождаемости. Наряду с исследованиями, в которых доказано положительное влияние материального вознаграждения на рождаемость [8], получены выводы о неэффективности политики материнского капитала и других материальных мер стимулирования рождаемости [6]. «Введенная программа увеличила рождаемость в среднем на 0,15 ребенка на женщину, при этом наибольший эффект программы состоял в сдвиге календаря рождений, нежели в увеличении суммарного коэффициента рождаемости» [54]. В. Л. Макаров и А. Р. Бахтизин делают вывод о том, что «изменение рождаемости — сложный процесс, связанный с множеством факторов, среди которых социальное давление, система ценностей, финансовая поддержка, территория проживания (сельская местность или город), уровень образования, демографическая политика, уровень гендерного равенства в обществе и многие другие» [17].

На сегодняшний день в российской и зарубежной литературе накоплен значимый объем исследований влияния различных социально-экономических факторов на уровень смертности. Показатель уровня смертности зависит от различных параметров: экономические, экологические, социальные, природные, географические, идеологические, исторические, культурные и политические [1; 7; 14; 16; 22]. Т. М. Дерстуганова с соавторами подтверждают корреляцию смертности населения в трудоспособном возрасте и благоустройство жилья, качество медицинской помощи, уровень социальной напряженности, уровень демографической нагрузки [9]. Е. Я. Пастухова эмпирическим путем определила влияние материального благосостояния (безработица, уровень доходов ниже величины регионального прожиточного минимума, плохие жилищные условия, проживание в сельской местности) на смертность трудоспособного населения [25]. И. М. Бурыкин и Р. Х. Хафизьянова доказали негативное влияние бедности населения на рост смертности [5]. Б. А. Ревич с соавторами обнаружили влияние неблагоприятных экологических факторов на смертность населения [26]. Пространственный анализ структуры причин смертности сельского населения России проводит коллектив ученых под руководством Т. В. Блиновой [4].

Проблемы оценок человеческого потенциала и экономических потерь от преждевременной смертности рассматривают Н. Измеров и Г. Тихонова [12], Л. Мигранова

и М. Токсанбаева [20], М. Морев и А. Короленко [23], О. Рыбаковский, В. Судоплатова и О. Таюнова [28], А. Шабунова, М. Дуганов, К. Калашников [31] и др.

Важным представляется выделить ученых, в работах которых представлены теоретико-методологические основы стратегирования социально-экономических процессов: В. Л. Квинт [30], Д. М. Журавлев [10], И. В. Новикова [24], А. В. Хворостяная [30] и др.

Данные и методы

Для достижения заявленной в исследовании цели авторами построена серия экономических моделей влияния факторов на демографические процессы (табл. 1).

Таблица 1

Показатели для эмпирического анализа

Table 1. Indicators for empirical analysis

Переменная	Обозначение	Пояснение
<i>Коэффициент рождаемости</i>		
Уровень бедности	<i>Ln_Pov</i>	Негативное влияние данного фактора на рождаемость подтверждено в ряде исследований [3; 4]
Уровень безработицы	<i>Ln_Unem</i>	Экономическая стабильность и занятость населения являются ключевым фактором репродуктивного поведения, данная гипотеза нашла подтверждение в трудах отечественных и зарубежных ученых [2; 27]
Стоимость недвижимости на первичном рынке	<i>Ln_Real Estate</i>	Жилищные условия оказывают значимое влияние на уровень рождаемости в регионе, отсутствие собственной недвижимости либо недостаточная ее площадь являются барьером для рождения детей. Аналогичные выводы получены Т. М. Малевой и О. В. Синявской [18]
Площадь жилых помещений на одного жителя	<i>Ln_Res. Prem.</i>	
Задолженность физических лиц по кредитам	<i>Ln_Loan Debt</i>	Задолженность по кредитам ухудшает материальное состояние семьи, снижает качество жизни, может оказывать негативное влияние на рождаемость
Численность женщин от 18 до 45 лет	<i>Ln_Women</i>	Демографический потенциал территории напрямую зависит от размера и структуры женского населения фертильного возраста
<i>Коэффициент смертности</i>		
Уровень бедности	<i>Ln_Pov</i>	Влияние данного фактора на уровень смертности в регионе доказано в ряде исследований [42; 43]
Число больничных коек на 10 000 чел. населения	<i>Ln_Hos. Beds</i>	Достаточное количество коечного фонда в медицинских учреждениях обеспечивает своевременную госпитализацию, доступность специализированной помощи и возможность комплексного лечения

Переменная	Обозначение	Пояснение
Розничные продажи алкогольной продукции на душу населения	<i>Ln_AlcProd</i>	Высокий уровень потребления алкоголя приводит к росту алкогольно-ассоциированных заболеваний, повышению смертности от внешних причин и снижению общего качества здоровья населения. В ряде исследований доказано, что фактором, негативно влияющим на продолжительность жизни, является чрезмерное потребление алкоголя [46; 47; 48]
Доля занятого населения с высшим образованием	<i>Ln_PopEduc</i>	Доля занятого населения с высшим образованием является мощным социально-экономическим детерминантом здоровья на уровне региона. Влияние реализуется через формирование более здорового образа жизни на индивидуальном уровне и создание благоприятной, требовательной к качеству услуг, среды
Число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел.	<i>Ln_Crim</i>	Уровень преступности в регионе является индикатором социального неблагополучия, что оказывает прямое и косвенное влияние на смертность населения. Аналогичные выводы получены коллективом ученых под руководством Т. В. Блиновой [4]
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников	<i>Ln_Poll</i>	Значимый вклад в рост или сокращение смертности населения вносит экологическая ситуация в регионе, что подтверждено эмпирическим путем в отдельных работах [45; 49]

Источник: составлено авторами.

В качестве результирующих показателей демографического развития определены коэффициент рождаемости и коэффициент смертности. Анализ проводился методом наименьших квадратов с применением панельных данных. Период исследования — 2013–2023 гг., объект — 85 регионов Российской Федерации³. Данные по Архангельской и Тюменской областям принимались отдельно, без включения автономных округов. Автономные округа учитывались как отдельные субъекты Федерации. Источник первичной статистической информации — сборники и базы данных Федеральной службы государственной статистики, АС «Региональные экономические стратегии». Модельные расчеты были произведены в программе Gretl.

Полученные результаты и обсуждение

На рис. 1 представлены результаты оценки динамики демографических процессов в Российской Федерации в 2000–2023 гг.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с 2004 г. по 2016 г. в Российской Федерации происходило значительное улучшение демографической ситуации:

³ В исследование не включены ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области по причине недостаточности статистической информации.

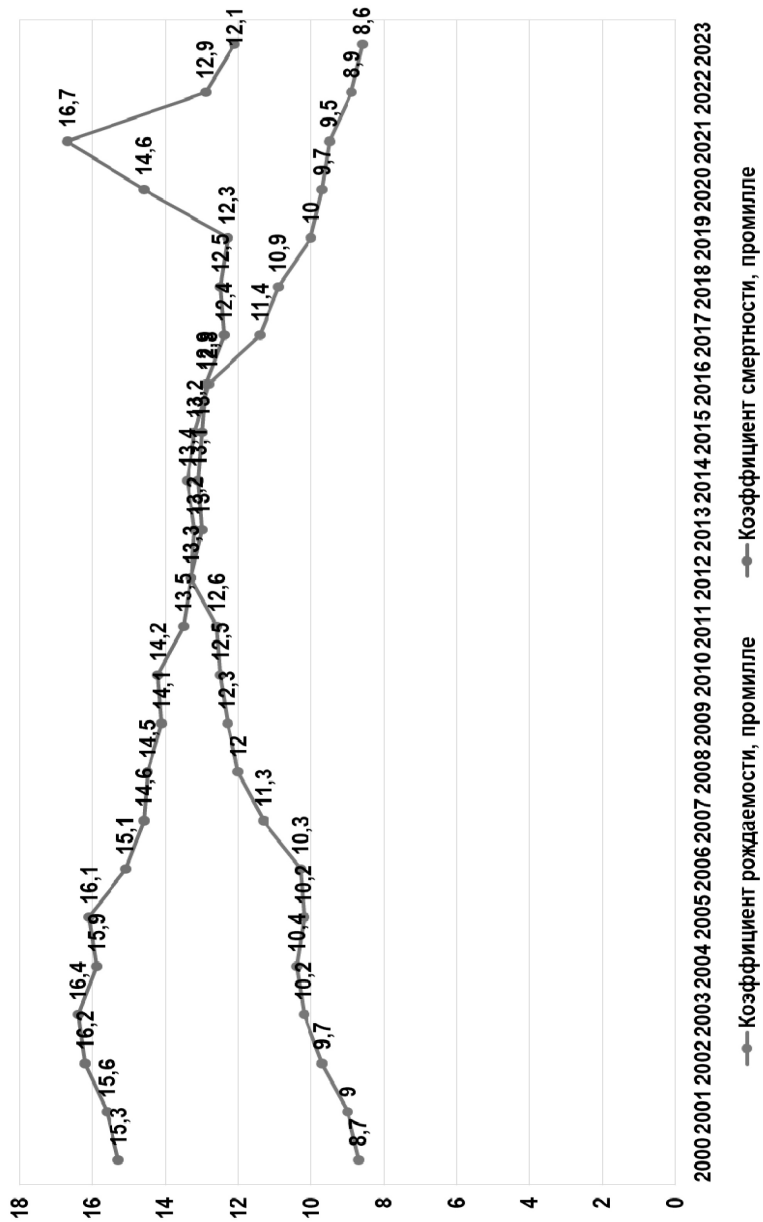

Рис. 1 Динамика показателей демографии в Российской Федерации в 2000–2023 гг., промилле

Fig. 1. Dynamics of demographic indicators in the Russian Federation in 2000–2023, per mille

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 14.10.2025).

снижение смертности на фоне повышения рождаемости. Начиная с 2017 г. рождаемость значительно снижается, в 2023 г. она достигла уровня 2000 г., что представляет угрозу для устойчивого экономического развития, социальной стабильности, геополитического положения РФ и благосостояния будущих поколений. Значимый рост смертности населения зафиксирован в период пандемии COVID-19.

Результаты моделирования влияния факторов на уровень рождаемости в регионах РФ представлены в табл. 2.

Мы построили четыре модели влияния факторов на уровень рождаемости в регионах РФ. Модель 1 демонстрирует негативное влияние бедности на коэффициент рождаемости, а безработицы — позитивное, что требует отдельного дополнительного анализа и оценки.

Во второй модели выявлено отрицательное влияние бедности и задолженности по кредитам на рождаемость в регионах Российской Федерации: снижение бедности на 1 % приводит к росту рождаемости на 0,19%; снижение задолженности по кредитам на 1 % — на 0,02 %. Значимое отрицательное влияние на коэффициент рождаемости оказывает стоимость недвижимости на первичном рынке (модель 3): снижение стоимости квадратного метра жилой недвижимости на 1 % стимулирует рождаемость в регионе на 0,22 %. При включении в модель всех факторов (модель 4) наиболее значимыми являются уровень бедности, безработицы, жилищные условия. Важно отметить, что для факторов «уровень безработицы» и «площадь

Таблица 2

Результаты моделирования влияния отдельных факторов на уровень рождаемости в регионах Российской Федерации в 2013–2023 гг.

Table 2. Results of modeling the impact of individual factors on the birth rate in the regions of the Russian Federation in 2013–2023

Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
<i>const</i>	1,9 (0,07)***	2,5 (0,16)***	4,7 (0,32)***	8,08 (0,38)***
<i>Ln_Pov</i>	-0,03 (0,03)*	0,19 (0,03)***	—	-0,15 (0,02)***
<i>Ln_Unem</i>	0,3 (0,03)***	—	—	0,11(0,01)***
<i>Ln_Real Estate</i>	—	—	-0,22 (0,02)***	-0,16 (0,02)***
<i>Ln_Res. Prem.</i>	—	—	—	-1,11 (0,1)***
<i>Ln_Loan Debt</i>	—	-0,057 (0,01)***	—	0,03 (0,01)
<i>Ln_Women</i>	—	—	—	-0,035 (0,01)
<i>R2</i>	0,31	0,19	0,12	0,64
Станд. ошибка	0,21	0,23	0,23	0,15
Число наблюдений	929	929	891	929
*** — уровень значимости 1 %; ** — уровень значимости 5 %. В скобках указана стандартная ошибка. Составлено авторами, модели построены на основе данных Федеральной службы государственной статистики.				

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 01.10.2025), АС «Региональные экономические стратегии». URL: <https://company.molnet.ru/products/strategy/> (дата обращения: 01.10.2025).

Результаты моделирования влияния отдельных факторов на уровень смертности в регионах Российской Федерации в 2013–2023 гг.

Table 3. Results of modeling the impact of individual factors on mortality rates in the regions of the Russian Federation in 2013–2023

Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
<i>const</i>	1,9 (0,4)***	2,1 (0,04)***	2,04 (0,11)***	5,03 (0,27)***	1,7 (0,1)***	2,6 (0,7)***
<i>Ln_Pov</i>	-0,04 (0,1)	—	—	—	—	—
<i>Ln_Hos_Beds</i>	—	—	—	—	—	0,44 (0,13)***
<i>Ln_AlcProd</i>	—	0,26 (0,02)***	—	—	0,28 (0,01)***	—
<i>Ln_PopEduc</i>	—	—	—	-0,7 (0,1)***	—	-0,6(0,1)***
<i>Ln_Crim</i>	0,1 (0,1)**	—	0,1 (0,01)***	—	0,1 (0,01)***	—
<i>Ln_Poll</i>	0,01 (0,1)	—	—	—	-0,03 (0,01)*	—
<i>R</i> ²	0,1	0,38	0,1	0,14	0,42	0,2
Станд. ошибка	0,3	0,24	0,28	0,27	0,24	0,26
Число наблюдений	1030	430	1030	1030	1030	1030

*** — уровень значимости 1 %; ** — уровень значимости 5 %. В скобках указана стандартная ошибка. Составлено авторами, модели построены на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Источники: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения 01.10.2025), АС «Региональные экономические стратегии». URL: <https://company.molnet.ru/products/strategy/> (дата обращения: 01.10.2025).

жилых помещений на одного жителя» получен неоднозначный результат, требующий дополнительного анализа. Факторы «задолженность физических лиц по кредитам» и «численность женщин от 18 до 45 лет» в модели 4 оказались незначимыми.

Модель 1 (табл. 3) демонстрирует значимое прямое влияние на смертность в регионе преступности: рост преступности на 1 % будет способствовать увеличению смертности на 0,1 %. При этом уровень бедности и экологическая ситуация статистически не значимы. Получен логичный результат относительно влияния потребления алкоголя на смертность населения и уровня преступности: при увеличении потребления алкоголя на 1 %, смертность растет на 0,26 % (модель 2), при комбинации с другими факторами на 0,28 % (модель 5); рост преступности на 1 % увеличивает смертность на 0,1 % (модель 3). В пятой модели объединены негативные факторы, получен логичный результат за исключением выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, что требует дополнительного анализа.

Результаты моделирования, представленные в модели 4, показывают, что образованность населения способствует снижению коэффициента смертности: рост доли занятого населения с высшим образованием на 1 % снижает смертность на 0,7 %. Противоречивый результат представлен в модели 6: увеличение числа больничных коек на 1 % способствует росту смертности на 0,44 %.

Заключение

Анализ и оценка демографических процессов в экономической науке становится все более актуальным направлением. Среди совокупности работ можно выделить такие группы исследований, которые сконцентрированы на оценке и анализе факторов рождаемости, смертности, эффективности политики государства, стимулирующей рождаемость, фертильности женщин.

По результатам анализа зарубежной и российской литературы, глубокого экономико-математического моделирования на больших массивах статистических данных в специализированной интеллектуальной среде поддержки стратегических решений авторами найдены и обоснованы экономические, оказывающие влияние на демографические процессы, факторы.

Выявлено негативное влияние бедности и задолженности по кредитам на рождаемость. Значимое отрицательное влияние на коэффициент рождаемости оказывает стоимость недвижимости на первичном рынке: снижение стоимости квадратного метра жилой недвижимости на 1 % стимулирует рождаемость в регионе на 0,22 %.

Значимое прямое влияние на смертность в регионах РФ обнаружено для факторов «уровень преступности», «розничные продажи алкогольной продукции». Образованность населения способствует снижению коэффициента смертности: рост доли занятого населения с высшим образованием на 1 % снижает смертность на 0,7 %.

Для таких факторов, как «уровень безработицы», «площадь жилых помещений на одного жителя», «число больничных коек», «выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников», получены противоречивые результаты, требующие дополнительного анализа и оценок.

Таким образом, при разработке плана мероприятий по достижению национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»⁴ важным представляется комплексная программа повышения доступности жилья для населения. Целесообразна пропаганда здорового

⁴ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 06.10.2025).

образа жизни, мероприятия, направленные на снижение потребления алкогольной продукции.

Результаты данного исследования могут быть использованы органами региональной власти при разработке документов стратегического планирования, широким кругом исследователей в области демографических процессов, а также преподавателями и студентами в рамках подготовки кадров по экономическим специальностям.

Литература

1. Агеев А. И., Бахтизин А. Р., Логинов Е. Л., Сидоренко М. Ю. Стратегические перспективы демографической составляющей национальной силы России // Экономические стратегии. 2023. № 5 (191). С. 38–53. DOI 10.33917/es-5.191.2023.38-53.
2. Андреева О. Н. Способы оценки уровня и качества жизни населения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 112–120. EDN QIOWPT
3. Баранов А. О., Слепенкова Ю. М., Тагаева Т. О. Совершенствование статистики воспроизводства человеческого капитала // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 22–31. EDN WVKWDT
4. Блинова Т. В., Былина С. Г., Русановский В. А. Моделирование факторов, влияющих на снижение смертности сельского населения России // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2020. № 2 (81). С. 21–25. EDN SERZKZ
5. Бурыкин И. М., Хафизьянова Р. Х. Влияние социальных факторов на смертность населения // Фундаментальные исследования. 2015. № 1. С. 704–711. EDN RXCABO
6. Быстров А. А. Материнский капитал: стимулирование рождаемости? // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 91–96. EDN JUQDER
7. Гудков А. Б., Чащин В. П., Демин А. В., Попова О. Н. Оценка качества жизни и постурального баланса у женщин старших возрастных групп, продолжающих работу в своей профессии // Медицина труда и промышленная экология. 2019. Т. 59, № 8. С. 473–478. DOI 10.31089/1026-9428-2019-59-8-473-478. EDN NVSFZY
8. Гурко Т. А., Орлова Н. А. Влияние федеральной программы материнский капитал на планы супругов иметь второго ребенка // Актуальные проблемы родительства в России. М. : Институт социологии РАН. 2013. С. 103–118. 1 CD-ROM. EDN SDCSNF
9. Дерстуганова Т. М., Величковский Б. Т., Вараксин А. Н. [и др.]. Оценка влияния социально-экономических факторов на состояние здоровья населения Свердловской области в системе социально-гигиенического мониторинга // Гигиена и санитария. 2013. № 6. С. 87–90. EDN RUNCAH
10. Журавлев Д. М. Стратегирование цифровой трансформации сложных социально-экономических систем : монография. М. ; СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2024. 352 с.
11. Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21, № 1. С. 145–187. EDN YMIQTF
12. Измеров Н. Ф., Тихонова Г. И. Проблемы здоровья работающего населения в России // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3 (126). С. 56–70. EDN OCPMRT
13. Ильдараханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н., Ибрагимова А. А. Экономические факторы повышения рождаемости в Приволжском федеральном округе: ретроспективный анализ (2000–2020 гг.) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 2. С. 288–303. DOI 10.18184/2079-4665.2022.13.2.288-303. EDN FVYMOA
14. Кику П. Ф., Жигаев Д. С., Шитер Н. С. [и др.]. Концепция факторов риска для здоровья населения // Бюллетень физиологии и патологии дыхания. 2016. № 62. С. 101–109. DOI 10.12737/23260. EDN XYEAZX
15. Коссова Т. В., Коссова Е. В., Шелунцова М. А. Влияние потребления алкоголя на смертность и ожидаемую продолжительность жизни в регионах России // Экономическая политика. 2017. № 1. С. 58–83. DOI 10.18288/1994-5124-2017-1-03. EDN YGGHFL
16. Кострюкова Н. К., Карпин В. А., Гудков А. Б. Смертность населения, проживающего в местах локальных разломов земной коры // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2005. № 4. С. 17–19. EDN OJZLQJ
17. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р. Долгосрочное демографическое прогнозирование в новых реалиях // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 235, № 3. С. 85–94. DOI 10.38197/2072-2060-2022-235-3-85-94. EDN POGJJG

18. *Малева Т. М., Синявская О. В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. № 5. С. 70–97. EDN ТТАКХN
19. *Манаева И. В.* Качество жизни в российских регионах: эмпирический анализ // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 4. С. 71–92. DOI 10.15838/ptd.2023.4.126.5. EDN PPQPJV
20. *Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С.* Человеческий потенциал населения российских регионов: уровень и динамика развития (часть первая) // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2 (208). С. 47–59. DOI 10.24411/1999-9836-2018-10014. EDN XWEPDN
21. *Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С.* Человеческий потенциал населения российских регионов: уровень и динамика развития (часть вторая) // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 3 (209). С. 59–72. DOI 10.24411/1999-9836-2018-10029. EDN YMREPJ
22. *Мироновская А. В., Бузинов Р. В., Гудков А. Б.* Прогнозная оценка неотложной сердечно-сосудистой патологии у населения северной урбанизированной территории // Здравоохранение Российской Федерации. 2011. № 5. С. 66–67. EDN OFWSOL
23. *Морев М. В., Короленко А. В.* Оценка демографических и социально-экономических потерь вследствие преждевременной смертности населения России и Вологодской области // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2. С. 110–123. EDN YLXLIT
24. *Новикова И. В.* Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1, № 1. С. 57–65. DOI 10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65.
25. *Пастухова Е. Я.* Материальное благосостояние как фактор влияния на здоровье населения российских регионов // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 7. С. 38–41. DOI 10.24158/rep.2017.8.8. EDN ZDRAYZ
26. *Ревич Б. А., Авалиани С. Л., Тихонова Г. И.* Основы оценки воздействия загрязненной окружающей среды на здоровье человека. Пособие по региональной экологической политике. М. : Акрополь, 2004.
27. *Рощина Я. М., Бойков А. В.* Факторы фертильности в современной России. М. : EERC, 2005.
28. *Рыбаковский О. Л., Судоплатова В. С., Таюнова О. А.* Потенциал снижения смертности населения России // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 29–42. EDN YMFZPD
29. *Тындик А. О.* Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 3. С. 361–376. EDN PFEWPD
30. *Хворостяная А. С., Квинт В. Л.* Разработка и реализация региональной стратегии: основные этапы и приоритеты // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 3. С. 25–34. DOI 10.37614/2220-802X.3.2025.89.002.
31. *Шабунова А. А., Дуганов М. Д., Калашников К. Н.* Преждевременная смертность как причина экономических потерь региона // Здравоохранение Российской Федерации. 2012. № 3. С. 26–30. EDN PEVZYZ
32. *Andersson G., Hank K., Rønsen M., Vikat A.* Gendering Family Composition: Sex Preferences for Children and Childbearing Behavior in the Nordic Countries // Demography. 2006. N 43(2). P. 255–267. DOI 10.1353/dem.2006.0010.
33. *Anderton D. L., Tsuya N.O., Bean L. L., Mineau G. P.* Intergenerational Transmission of Relative Fertility and life Course Pattern // Demography. 1987. N 24. P. 467–480. DOI 10.2307/2061386.
34. *Becker G., Lewis H. G.* On the Interaction between the Quality and the Quantity of Children // Journal of Political Economy. 1973. N 81 (2). P. 279–288. DOI 10.1086/260166.
35. *Berent J.* Relationship between Family Sizes of the Successive Generations // Milbank Memorial Fund Quarterly Bulletin. 1953. N 31. P. 39–50. DOI: 10.2307/3348423.
36. *Blinova T., Bylina S., Rusanovskiy V.* Factors Affecting the Life Expectancy at Birth of the Rural Population in Russia // Ponte. 2020. Vol. 78. N 1. P. 9–18. DOI 10.21506/j.ponte.2020.1.2. EDN UBDTGG
37. *Del Boca D.* The Effect of Child Care on Participation and Fertility // Journal of Population Economics. 2002. N 15 (3). P. 549–573. DOI 10.1007/s001480100089.
38. *Duncan O. D., Freedman R., Coble J. M., Slesinger D. P.* Marital Fertility and Size of Family of Orientation // Demography. 1965. N 2. P. 508–515. DOI 10.2307/2060135.
39. *Ermisch J.* Prices, Parents, and Young People's Household Formation // Journal of Urban Economics. 1999. N 45 (1). P. 47–71. DOI 10.1006/juec.1998.2083.
40. *Gauthier A.* The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature // Population Research and Policy Review. 2007. N 26. P. 323–346. DOI 10.1007/s11113-007-9033-x.

41. Gustafsson S. S. Optimal Age at Motherhood. Theoretical and Empirical Considerations on Postponement of Maternity in Europe // *Journal of Population Economics*. 2001. N 14 (2). P. 225–247. DOI 10.1007/978-3-642-55573-2_17.
42. Hendershot G. E. Familial Satisfaction, Birth Order, and Fertility Values // *Journal of Marriage and the Family*. 1969. N 31. P. 27–33. DOI 10.2307/350003.
43. Hoem J. M. Overview chapter 8: The Impact of Public Policies on European Fertility // *Demographic Research Special Collection*. 2008. N 7 (19). P. 249–260. DOI 10.4054/DemRes.2008.19.10.
44. Hoem J. M. Why Does Sweden Have Such High Fertility? // *Demographic Research*. 2005. N 13 (22). P. 559–572. DOI 10.4054/DemRes.2005.13.22.
45. Kneale D., Joshi H. Postponement and Childlessness: Evidence from Two British Cohorts // *Demographic Research*. 2008. N 19. P. 1935–1968. DOI 10.4054/DemRes.2008.19.58.
46. Leon D. A., Shkolnikov V. M., McKee M., Kiryanov N., Andreev E. Alcohol increases circulatory disease mortality in Russia: Acute and chronic effects or misattribution of cause? // *International Journal of Epidemiology*. 2010. N 39 (5). P. 1279–1290. DOI 10.1093/ije/dyq102. EDN OHNQDV
47. Meron M., Widmer I. Unemployment Leads Women to Postpone the Birth of Their First Child // *Population*. 2002. Vol. 57, №. 2. P. 301–330. DOI 10.2307/3246611.
48. Miller A. R. The Effect of Motherhood Timing on Career Path // *Journal of Population Economics*. 2010. Vol. 24, N 3. P. 1071–1100. DOI 10.1007/s00148-009-0296-x.
49. Mills M., Rindfuss R. R., McDonald P., Te Velde E. Why Do People Postpone Parenthood? // *Reasons and Social Policy Incentives. Human Reproduction Update*. 2011. N 17 (6). P. 848–860. DOI 10.1093/humupd/dmr026.
50. Murphy M., Wang D. Family-level Continuities in Childbearing in Low-fertility Societies // *European Journal of Population*. 2001. N 17. P. 75–96. DOI 10.1023/A:1010744314362.
51. Orsal D. D. K., Goldstein J. R. The Increasing Importance of Economic Conditions for Fertility. MPIDR Working Paper WP 2010–2014. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research, 2010. DOI 10.4054/MPIDR-WP-2010-014
52. Rindfuss R. R., Guilkey D. K., Morgan S. P., Kravdal O. Child-care Availability and Fertility in Norway // *Population and Development Review*. 2010. N 36 (4). P. 725–748. DOI 10.1111/j.1728-4457.2010.00355.x.
53. Rondinelli C., Aassve A., Billari F. C. Women's Wages and Childbearing Decisions: Evidence from Italy // *Demographic Research*. 2010. N 22 (19). P. 549–578. DOI 10.4054/DemRes.2010.22.19.
54. Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia // *Labour Economics*. 2014. N 30. P. 265–281. DOI 10.1016/j.labeco.2014.03.004. EDN UFHBHJ.
55. Toulemon L., Testa M. Fertility intentions and actual fertility: A complex relationship [Электронный ресурс] // *Population and Societies*. 2005. N 415. P. 1–4. URL: https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/18747/publi_pdf2_pop.and.soc.english.415.en.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Об авторах:

Манаева Инна Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Белгородского государственного национального исследовательского университета НИУ «БелГУ» (Белгород, Российская Федерация); in.manaeva@yandex.ru

Камынина Лолита Алексеевна, аспирант Высшей школы государственного администрирования МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); lolita-kamynina@mail.ru

Журавлева Татьяна Александровна, аспирант Высшей школы государственного администрирования МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); naras@mail.ru

References

1. Ageev A. I., Bakhtizin A. R., Loginov E. L., Sidorenko M. Yu. Strategic Perspectives of the Demographic Component of Russia's National Power // *Economic Strategies [Ekonomichekie strategii]*. 2023. N 5 (191). P. 38–53. DOI 10.33917/es-5.191.2023.38-53. (In Russ.).
2. Andreeva O. N. Methods for assessing the level and quality of life of the population // *Oikumena. Regional Studies [Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya]*. 2013. N 2. P. 112–120. EDN QIOWPT. (In Russ.).

3. Baranov A.O., Slepenskova Yu. M., Tagaeva T. O. Improvement of the statistics of human capital reproduction // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2020. N 1. P. 22–31. EDN: WVKWDT. (In Russ.).
4. Blinova T.V., Bylina S. G., Rusanovskiy V.A. Modeling of factors influencing the reduction of mortality in the rural population of Russia // Industry: economy, management, technology [Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii]. 2020. N 2 (81). P. 21–25. EDN SERZKZ. (In Russ.).
5. Burykin I. M., Khafisyanova R. K. Influence of social factors on population mortality // Fundamental research [Fundamental'nye issledovaniya]. 2015. N 1. P. 704–711. EDN RXCABO. (In Russ.).
6. Bystrov A. A. Mother's Capital: Stimulating Fertility? // Sociological Studies [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2008. N 12. P. 91–96. EDN JUQDER. (In Russ.).
7. Gudkov A. B., Chashchin V. P., Demin A. V., Popova O. N. Assessment of quality of life and postural balance in women of older age groups who continue to work in their profession // Occupational medicine and industrial ecology [Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya]. 2019. Vol. 59, N 8. P. 473–478. DOI 10.31089/1026-9428-2019-59-8-473-478. EDN NVSFZY. (In Russ.).
8. Gurko T. A., Orlova N. A. The Influence of the Federal Program “Mother's Capital” on Spouses' Plans to Have a Second Child // Current Problems of Parenthood in Russia. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2013. P. 103–118. 1 CD-ROM. EDN SDCSNF. (In Russ.).
9. Derstuganova T. M., Velichkovskiy B. T., Varaksin A. N. [et al.]. Assessment of the impact of socio-economic factors on the health state of the population of the Sverdlovsk region in the system of social-hygienic monitoring // Hygiene and Sanitation [Gigiena i sanitariya]. 2013. N 6. P. 87–90. EDN RUHCAX. (In Russ.).
10. Zhuravlev D. M. Strategizing the digital transformation of complex socio-economic systems: monograph. Moscow; St. Petersburg: North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024. 352 p. (In Russ.).
11. Zhuravleva T. L., Gavrilova Y. A. Analysis of Fertility Determinants in Russia: What do RLMS Data Say? // HSE Economic Journal [Ekonomicheskii zhurnal VShE]. 2017. Vol. 21, N 1. P. 145–187. EDN YMIQTF. (In Russ.).
12. Izmerov N. F., Tikhonova G. I. Problems of the health of the working population in Russia // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2011. N 3 (126). P. 56–70. EDN OCPMRT. (In Russ.).
13. Ildarhanova Ch. I., Ershova G. N., Ershova Yu. N., Ibragimova A. A. Economic factors of increasing fertility in the Volga Federal District: a retrospective analysis (2000–2020) // Modernization. Innovations. Development [MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)]. 2022. Vol. 13, N 2. P. 288–303. DOI 10.18184/2079-4665.2022.13.2.288-303. EDN FVYMOA. (In Russ.).
14. Kiku P. F., Gigaev D. S., Shiter N. S. [et al.]. The concept of risk factors for the health of the population // Bulletin of Physiology and Pathology of Respiration [Byulleten' fiziologii i patologii dykhaniya]. 2016. N 62. P. 101–109. DOI 10.12737/23260. EDN XYEAXZ. (In Russ.).
15. Kossova T. V., Kossova E. V., Sheluntsova M. A. The influence of alcohol consumption on mortality and life expectancy in the regions of Russia // Economic Policy [Ekonomicheskaya politika]. 2017. N 1. P. 58–83. DOI 10.18288/1994-5124-2017-1-03. EDN YGGHLF. (In Russ.).
16. Kostryukova N. K., Karpin V. A., Gudkov A. B. Mortality of the population living in areas of local crustal faults // Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine [Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny]. 2005. N 4. P. 17–19. EDN OJZLQJ. (In Russ.).
17. Makarov V. L., Bakhtizin A. R. Long-term demographic forecasting in new realities // Scientific works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2022. Vol. 235, N 3. P. 85–94. DOI 10.38197/2072-2060-2022-235-3-85-94. EDN POGJGG. (In Russ.).
18. Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. Socio-economic factors of fertility in Russia: empirical measurements and challenges to social policy // SPERO. 2006. N 5. P. 70–97. EDN TTAKXN. (In Russ.).
19. Manaeva I. V. Quality of life in Russian regions: Empirical analysis // Problems of Territory's Development [roblemy razvitiya territorii]. 2023. Vol. 27, N 4. P. 71–92. DOI 10.15838/ptd.2023.4.126.5. EDN PPGJVV. (In Russ.).
20. Migranov L. A., Toksanbaeva M. S. Human Potential of the Population of Russian Regions: The Level and Dynamics of Development (Part One) // Living standards in Russian regions [Uroven'

- zhizni naseleniya regionov Rossii]. 2018. N 2 (208). P. 47–59. DOI 10.24411/1999-9836-2018-10014. EDN XWEPDN. (In Russ.).
21. Migranova L. A., Toksanbaeva M. S. Human Potential of the Population of Russian Regions: The Level and Dynamics of Development (Part Two) // Living standards in Russian regions [Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii]. 2018. N 3 (209). P. 59–72. DOI 10.24411/1999-9836-2018-10029. EDN YMREPJ. (In Russ.).
 22. Mironovskaya A. V., Buzinov R. V., Gudkov A. B. Prognostic assessment of urgent cardiovascular pathology in the population of a northern urbanized territory // Healthcare of the Russian Federation [Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii]. 2011. N 5. P. 66–67. EDN OFWSOL. (In Russ.).
 23. Morev M. V., Korolenko A. V. Assessment of demographic and socio-economic losses due to premature mortality of the population of Russia and the Vologda region // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2018. N 2. P. 110–123. EDN YLXLIT. (In Russ.).
 24. Novikova I. V. Strategizing Human Resource Development: Key Elements and Stages in: Strategizing: Theory and Practice [Strategirovanie: teoriya i praktika]. 2021. Vol. 1, N 1. P. 57–65. DOI 10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65. (In Russ.).
 25. Pastukhova E. Ya. Material welfare as a factor of influence on the population health in Russian regions // Society: Politics, Economics, Law [Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo]. 2017. N 7. P. 38–41. DOI 10.24158/pep.2017.8.8. EDN ZDRAYZ. (In Russ.).
 26. Revich B. A., Avaliani S. L., Tikhonova G. I. Principles of Assessing the Impact of a Polluted Environment on Human Health. A Manual for Regional Environmental Policy. Moscow: Akropol, 2004. (In Russ.).
 27. Roshchina Ya. M., Boykov A. V. Fertility Determinants in Modern Russia. Moscow: EERC, 2005. (In Russ.).
 28. Rybakovsky O. L., Sudoplatova V. S., Tayunova O. A. Potential for reducing mortality in Russia // Sociological Studies [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2017. N 3. P. 29–42. EDN YMFZPD. (In Russ.).
 29. Tyndik A. O. Reproductive Attitudes and Their Realization in Modern Russia // Journal of Social Policy Studies [Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki]. 2012. N 3. P. 361–376. EDN PFEWPD. (In Russ.).
 30. Khvorostyanaya A. S., Kvint V. L. Development and implementation of a regional strategy: main stages and priorities // North and market: formation of economic order [Sever i ry-nok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka]. 2025. N 3. P. 25–34. DOI 10.37614/2220-802X.3.2025.89.002. (In Russ.).
 31. Shabunova A. A., Duganov M. D., Kalashnikov K. N. Untimely death as a cause of economic losses in a region // Healthcare of the Russian Federation [Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii]. 2012. N 3. P. 26–30. EDN PEVZYZ. (In Russ.).
 32. Andersson G., Hank K., Rønsen M., Vikat A. Gendering Family Composition: Sex Preferences for Children and Childbearing Behavior in the Nordic Countries // Demography. 2006. N 43 (2). P. 255–267. DOI 10.1353/dem.2006.0010.
 33. Anderton D. L., Tsuya N. O., Bean L. L., Mineau G. P. Intergenerational Transmission of Relative Fertility and life Course Pattern // Demography. 1987. N 24. P. 467–480. DOI 10.2307/2061386.
 34. Becker G., Lewis H. G. On the Interaction between the Quality and the Quantity of Children // Journal of Political Economy. 1973. N 81 (2). P. 279–288. DOI 10.1086/260166.
 35. Berent J. Relationship between Family Sizes of the Successive Generations // Milbank Memorial Fund Quarterly Bulletin. 1953. N 31. P. 39–50. DOI 10.2307/3348423.
 36. Blinova T., Bylina S., Rusanovskiy V. Factors Affecting the Life Expectancy at Birth of the Rural Population in Russia // Ponte. 2020. Vol. 78, N 1. P. 9–18. DOI 10.21506/j.ponte.2020.1.2. EDN UBDTGG.
 37. Del Boca D. The Effect of Child Care on Participation and Fertility // Journal of Population Economics. 2002. N 15 (3). P. 549–573. DOI 10.1007/s001480100089.
 38. Duncan O. D., Freedman R., Coble J. M., Slesinger D. P. Marital Fertility and Size of Family of Orientation // Demography. 1965. N 2. P. 508–515. DOI 10.2307/2060135.
 39. Ermisch J. Prices, Parents, and Young People's Household Formation // Journal of Urban Economics. 1999. N 45 (1). P. 47–71. DOI 10.1006/juec.1998.2083.
 40. Gauthier A. The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature // Population Research and Policy Review. 2007. N 26. P. 323–346. DOI 10.1007/s11113-007-9033-x.
 41. Gustafsson S. S. Optimal Age at Motherhood. Theoretical and Empirical Considerations on Postponement of Maternity in Europe // Journal of Population Economics. 2001. N 14 (2). P. 225–247. DOI 10.1007/978-3-642-55573-2_17.

42. Hendershot G. E. Familial Satisfaction, Birth Order, and Fertility Values // *Journal of Marriage and the Family*. 1969. N 31. P. 27–33. DOI 10.2307/350003.
43. Hoem J. M. Overview chapter 8: The Impact of Public Policies on European Fertility // *Demographic Research Special Collection*. 2008. N 7 (19). P. 249–260. DOI 10.4054/DemRes.2008.19.10.
44. Hoem J. M. Why Does Sweden Have Such High Fertility? // *Demographic Research*. 2005. N 13 (22). P. 559–572. DOI 10.4054/DemRes.2005.13.22.
45. Kneale D., Joshi H. Postponement and Childlessness: Evidence from Two British Cohorts // *Demographic Research*. 2008. N 19. P. 1935–1968. DOI 10.4054/DemRes.2008.19.58.
46. Leon D. A., Shkolnikov V. M., McKee M., Kiryanov N., Andreev E. Alcohol increases circulatory disease mortality in Russia: Acute and chronic effects or misattribution of cause? // *International Journal of Epidemiology*. 2010. N 39 (5). P. 1279–1290. DOI 10.1093/ije/dyq102. EDN OHNQDV
47. Meron M., Widmer I. Unemployment Leads Women to Postpone the Birth of Their First Child // *Population*. 2002. Vol. 57, N 2. P. 301–330. DOI 10.2307/3246611.
48. Miller A. R. The Effect of Motherhood Timing on Career Path // *Journal of Population Economics*. 2010. Vol. 24. N 3. P. 1071–1100. DOI 10.1007/s00148-009-0296-x.
49. Mills M., Rindfuss R. R., McDonald P., Te Velde E. Why Do People Postpone Parenthood? // *Reasons and Social Policy Incentives*. *Human Reproduction Update*. 2011. N 17 (6). P. 848–860. DOI 10.1093/humupd/dmr026.
50. Murphy M., Wang D. Family-level Continuities in Childbearing in Low-fertility Societies // *European Journal of Population*. 2001. N 17. P. 75–96. DOI 10.1023/A:1010744314362.
51. Orsal D. D. K., Goldstein J. R. The Increasing Importance of Economic Conditions for Fertility. MPIDR Working Paper WP 2010–2014. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research, 2010. DOI 10.4054/MPIDR-WP-2010-014.
52. Rindfuss R. R., Guilkey D. K., Morgan S. P., Kravdal O. Child-care Availability and Fertility in Norway // *Population and Development Review*. 2010. N 36 (4). P. 725–748. DOI 10.1111/j.1728-4457.2010.00355.x.
53. Rondinelli C., Aassve A., Billari F. C. Women's Wages and Childbearing Decisions: Evidence from Italy // *Demographic Research*. 2010. N 22 (19). P. 549–578. DOI 10.4054/DemRes.2010.22.19.
54. Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia // *Labour Economics*. 2014. N 30. P. 265–281. DOI 10.1016/j.labeco.2014.03.004. EDN UFHBHJ
55. Toulemon L., Testa M. Fertility intentions and actual fertility: A complex relationship [Online resource] // *Population and Societies*. 2005. N 415. P. 1–4. URL: https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/18747/publi_pdf2_pop.and.soc.english.415.en.pdf (accessed: 20.10.2025).

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

About the authors:

Inna V. Manaeva, Doctor of Economics, Professor of Department of Global Economy in Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation); inna.manaeva@yandex.ru

Lolita A. Kamynina, Postgraduate of the Higher School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); lolita-kamynina@mail.ru

Tatyana A. Zhuravleva, Head of the Center for Urban Competencies of the Agency for Strategic Initiatives (ASI), Postgraduate of the Higher School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); naras@mail.ru

Поступила в редакцию: 05.11.2025
 Поступила после рецензирования: 20.11.2025
 Принята к публикации: 01.12.2025

The article was submitted: 05.11.2025
 Approved after reviewing: 20.11.2025
 Accepted for publication: 01.12.2025

© Манаева И. В., Камынина Л. А., Журавлева Т. А., 2026